

Ирина Лобусова

**Камасутра. Короткие
рассказы о любви (сборник)**

«Автор»

2014

Лобусова И. И.

Камасутра. Короткие рассказы о любви (сборник) /
И. И. Лобусова — «Автор», 2014

Рассказы объединены общей темой: это короткие истории о любви. Современные рассказы написаны короткими, хлесткими фразами, похожими на твитты или посты в социальных сетях. Нестандартные ситуации, в которые попадают герои, взяты из самой жизни. Жизненные проблемы в отношениях словно оживают с книжных страниц, заставляя вспомнить проблемы, с которыми можно столкнуться почти каждый день – проблемы сомнений и разочарований, измен, страстных романов, вопросов, поиск ответов на которые часто становится мучительным испытанием для двух любящих людей. Некоторые из этих рассказов были опубликованы в крупных женских журналах («Камасутра», «Красный цветок», «Маленькое черное платье», «Ночь принадлежит мне», «Упущенный шанс», «Номер телефона», «Финансы раздельно или роман с Интернетом», и другие), и получили заслуженное признание читателей.

© Лобусова И. И., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Было так	5
Два дня до нового года	9
Красный цветок	12
Криминальный рассказ	15
Здравствуй, зверь	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Ирина Лобусова

Камасутра. Короткие рассказы о любви (сборник)

Было так

Почти каждый день мы встречаемся на площадке главной лестницы. Она курит в компании своих друзей, а мы с Наташкой ищем женский туалет – или наоборот. Она похожа на меня – может, потому, что мы обе совершенно теряем способность ориентироваться в огромном и бесконечном (так кажется нам каждый день) пространстве института. Длинные запутанные корпуса которого словно специально созданы для того, чтобы давить на мозги. Обыкновенно к концу дня я начинаю звереть и требовать немедленно выдать ту обезьяну, которая построила это здание. Наташка смеется, и спрашивает, почему я уверена, что эта архитектурная обезьяна до сих пор существует в живых. Впрочем, бесконечное блуждание в поисках нужной аудитории или женского туалета – это развлечение. Их так немного в нашей жизни – простых развлечений. Мы обе ценим их, я узнаю всё по глазам. Когда в самый неожиданный момент мы сталкиваемся на лестнице и врем друг другу, что наша встреча абсолютно неожиданна. Мы обе умеем просто классически врать. Я. И она.

Обыкновенно мы сталкиваемся на лестнице. Потом отводим глаза и делаем важный вид. Она степенно объясняет, как только что вышла из аудитории. Я – что прохожу по коридору рядом. Никто не признается даже под видом жуткой смертной казни в том, что на самом деле мы стоим здесь и ждем друг друга. Об этом никому, кроме нас, не дано (и не будет дано) знать.

Обе очень дружно делаем вид, что безумно рады видеть друг друга. Со стороны всё выглядит так, что поверить нам легко.

– Так приятно встретить знакомых!

– Ах, я даже не знала, что ты будешь здесь проходить... Но я так рада!

– Что у тебя есть курить?

Она протягивает сигареты, моя подруга Наташка нагло хватается сразу две и в полной женской солидарности мы вдвоем молча курим до звонка на следующую пару.

– Ты не дашь мне на пару дней свой конспект по экономической теории? У нас зачет через пару дней... А ты зачет уже досрочно сдала... (она)

– Без проблем. Позвони, зайдешь и возьмешь... (я).

Потом расходимся по лекциям. Она учится на том же курсе, что и я, только в другом потоке.

В аудитории сыро от утреннего света, а парта еще влажная от мокрой тряпки уборщицы. Сзади народ обсуждает вчерашний телевизионный сериал. Через несколько минут все дружно погружаются в глубины высшей математики. Все, кроме меня. Во время перерыва я, не отрывая глаз от конспекта, сижу за столом, пытаюсь хотя бы увидеть то, что написано на открытом передо мной бумажном листе. Кто-то медленно и тихо подходит к моему столу. И, не поднимая глаз вверх, я знаю о том, кого увижу. Кто стоит за моей спиной... Она.

Она входит боком, как будто стесняясь незнакомых людей. Садится рядом, преданно смотрит в глаза. Мы – самые близкие и лучшие подруги, причем с давнего времени. Глубокую сущность наших отношений невозможно выразить словами. Мы просто ждем одного мужчину. Обе ждем, без успеха, который год. Мы – соперницы, но ни одному человеку в мире не пришло бы в голову так нас называть. Наши лица одинаковы потому, что отмечены несмываемой печатью любви и тревоги. За одного человека. Наверное, мы обе его любим. Может, он тоже

нас любит, но для сохранности наших общих с ней душ легче уговаривать себя, что ему по настоящему на нас наплевать.

Сколько времени прошло с тех пор? Полгода, Год, два года? С того времени, когда был один, самый обычный телефонный звонок?

Кто звонил? Имени сейчас и не вспомнишь... Кто-то с соседнего курса... или из группы...

«– Привет. Приходи прямо сейчас. Тут все собрались... есть сюрприз!

– Какой сюрприз?! Дождь на улице! Говори толком!

– Как у тебя насчет английского?

– Ты мозгами поехала?

– Слушай, тут у нас сидят американцы. Двое, приехали по обмену, на факультет романо-германской филологии.

– А почему они сидят у нас?

– Им там не интересно, кроме того, они познакомились с Виталиком и он привел их к нам в общагу. Они забавные. По-русски почти не говорят. Она (назвала имя) запала на одного. Все время сидит с ним рядом. Приходи. Ты должна на это посмотреть! “

Дождь, который бил в лицо... Когда я вернулась домой, нас было трое. Трое. Так повелось с тех пор.

Я поворачиваю голову и смотрю на ее лицо – лицо человека, который, преданно положив голову мне на плечо, смотрит глазами жалкой побитой собаки. Определенно она любит его больше, чем я. Так любит, что для нее праздник – услышать хотя бы одно слово. Даже если это его слово предназначено для меня. С точки зрения ущемленного самолюбия я смотрю на нее очень пристально и со знанием дела отмечаю, что сегодня она плохо причесана, эта помада ей не идет, а на колготках – петля. Она, наверное, видит синяки под моими глазами, ногти без признаков маникюра и уставший вид. Я давно знаю, что грудь у меня красивей и больше, чем у нее, рост выше и глаза более яркие. А вот ее ноги и талия более стройны, чем мои. Наш взаимный осмотр почти незаметен – это привычка, укоренившаяся в подсознании. После этого мы взаимно ищем странности в поведении, говорящие о том, что кто-то из нас недавно видел его.

– Вчера до двух часов ночи смотрела международные новости... – голос ее осекается, становится хриплым, – наверное, в этом году им не удастся приехать... Я слышала, кризис в Штатах..

– А если и приедут, несмотря на свою пошатнувшуюся экономику, – подхватываю я, – к нам они вряд ли зайдут.

Ее лицо вытягивается, я вижу, что сделала ей больно. Но остановиться уже не могу.

– И вообще, я уже давно забыла про всю эту ерунду. Даже если он снова приедет, ты все равно его не поймешь. Как в прошлый раз.

– Но ты мне поможешь с переводом...

– Вряд ли. Я давно забыла английский. Скоро экзамены, сессия, надо заниматься русским... будущее за русским языком... а еще говорят, что скоро на РГФ приедут по обмену немцы. Не хочешь сесть за словарь и сходить на них посмотреть?

После нее он переметнулся ко мне – это было нормально, я давно привыкла к такой реакции, но я не знала, что его обыкновенные мужские поступки смогут причинить ей такую боль. Он до сих пор пишет мне письма – тоненькие листочки, отпечатанные на лазерном принтере... Я храню их в старой тетрадке, чтобы не показать никому. Она не знает о существовании этих писем. Все ее представления о жизни – это надежда, что он забудет меня тоже. Я догадываюсь, что каждое утро она открывает карту миру и с надеждой смотрит на океан. Она любит океан почти так же, как и его. Океан для нее – бездонная пропасть, в которой тонут мысли и чувства. Я не разубеждаю ее в этой иллюзии. Пусть живет так, как легко. Наша история примитивна до

глупости. Так нелепа, что стыдно даже говорить. Окружающие твердо уверены, что, повстречавшись в институте, мы просто так стали подругами. Две самых близких подруги. Которым всегда есть, о чем говорить... Это правда. Мы подруги. Нам интересно вдвоем, всегда есть общие темы и понимаем мы друг друга тоже с полуслов. Мне она нравится – как человек, как личность, как друг. Я нравлюсь ей тоже. У нее есть черты характера, которых нет у меня. Нам хорошо вдвоем. Так хорошо, что на белом свете никто не нужен. Даже, наверное, океан.

В открытой на всеобщее обозрение «личной» жизни у каждой из нас есть отдельный мужчина. У нее – студент-биолог из университета. У меня – компьютерный художник, довольно забавный тип. С ценным качеством – неумением задавать вопросы. Наши мужчины помогают нам пережить неизвестность и тоску, и еще мысль о том, что он не вернется. Что наш американский роман никогда не свяжет нас по-настоящему с ним. Но за эту любовь мы тайно обещаем друг другу всегда проявлять беспокойство – беспокойство не о себе, о нем. Она не догадывается, я понимаю, как мы смешны и нелепы, цепляясь за треснутую, разорванную соломинку, чтобы выплыть на поверхность и заглушить какую-то странную боль. Боль, похожую на зубную, возникающую в самый неподходящий момент в самом неподходящем месте. Боль – о себе? Или о нем?

Иногда я читаю в ее глазах ненависть. Словно по молчаливому сговору мы ненавидим все, существующее вокруг. Институт, в который поступили просто так, ради диплома, друзей, которым на тебя наплевать, общество и наше существование, а главное – ту пропасть, которая навсегда разделяет нас с ним. И когда мы устаем до безумия от вечной лжи и плохо скрытого равнодушия, от круговерти ничего не значащих, но многих событий, от глупости чужих любовных историй – мы встречаемся с ней глазами и видим искренность, настоящую, правдивую искренность, чище и лучше которой нет... Мы никогда не говорим на тему любовного треугольника потому, что обе прекрасно понимаем – за этим всегда кроется что-то более сложное, чем дилемма обычной неразделенной любви...

И еще: мы очень часто вспоминаем о нем. Вспоминаем, испытывая разные чувства – тоску, любовь, ненависть, что-то гадкое и противное или наоборот, светлое и пушистое... И после потока общих фраз кто-то вдруг замолчит на полуслове и спросит:

– Ну, что?

И другая отрицательно качнет головой:

– Ничего нового...

И, встретившись глазами, поймет немой приговор – не будет нового, ничего... Никогда.

Дома, наедине с собой, когда никто меня не видит, я схожу с ума от пропасти, в которую падаю все ниже и ниже. Мне до безумия хочется схватить ручку и написать на английском: «оставь меня в покое... не звони... не пиши...» Но я не могу, не способна это сделать, и потому мучаюсь кошмарами, от которых моей второй половиной становится только хроническая бессонница. Наше безревностное разделение любви жутким ночным кошмаром снится мне по ночам... Как шведская семья или мусульманские законы о многоженстве... В кошмарах я даже представляю себе, как мы обе выходим за него замуж и хозяйничаем на одной кухне... Я. И она. Меня передергивает во сне. Я просыпаюсь в холодном поту и мучаюсь с искушением сказать, что от общих знакомых узнала о его гибели в автомобильной катастрофе... Или что где-то упал еще один самолет... Я изобретаю сотни способов, знаю, что не смогу это сделать. Я не могу ее ненавидеть. Так же, как и она – меня.

Однажды, в тяжелый день, когда мои нервы были расшатаны до предела, я прижала ее к лестнице:

– Что ты делаешь?! Зачем ты меня преследуешь? Почему продолжаешь этот кошмар?! Живи своей жизнью! Оставь меня в покое! Не ищи моего общества, ведь на самом деле ты меня ненавидишь!

В ее глазах появилось странное выражение:

– Это неправда. Я не могу и не хочу тебя ненавидеть. Я люблю тебя. И немного его.

Каждый день на протяжении двух лет мы встречаемся на площадке лестницы. И каждую встречу мы не говорим, но думаем о нем. Я даже ловлю себя на мысли, что каждый день отсчитываю по часам и с нетерпением жду того момента, когда она тихонько, словно стесняясь, войдет в аудиторию, сядет со мной и начнет глупый бесконечный разговор на общие темы. А потом, в середине, прервет разговор и вопросительно посмотрит на меня... Я виновато отведу глаза в сторону, чтобы отрицательно покачать головой. И вздрогну всем телом – наверное, от вечной холодной сырости по утрам.

Два дня до нового года

В телеграмме было «не приезжай». Снег царапал щеки жесткой щетиной, затоптанный под разбитым фонарем. Край особо наглой из всех телеграмм высовывался из кармана сквозь мех шубы. Вокзал был похож на огромный феонитовый шар, слепленный из грязного пластика. Ярко и ясно падала в пустоту дверь, уходящая в небо.

Прислонившись к холодной стене, она изучала железнодорожно-кассовое окно, где давилась толпа, и думала только о том, что хочет курить, просто до безумия хочет курить, втягивая в обе ноздри горький морозный воздух. Было нельзя идти, нужно было только стоять, наблюдая толпу, прислонившись к холодной стене плечом, щуя глаза от привычной для зрения вони. Все вокзалы похожи один на другой, как упавшие серые звезды, плавали облаками чужих глаз скопищем привычных неоспоримых миазмов. Все вокзалы – похожие один на другой.

Облаками – чужих глаз. Это было существенно самым важным.

В телеграмме было «не приезжай». Так не приходилось искать подтверждений тому, что собирается сделать. В узком проходе выпал из-под чьих-то ног затоптанный пьяный бомж, выпал прямо под ноги ей. Исключительно осторожно отползла по стене чтобы не задеть краем длинной меховой шубы. Кто-то толкнул в спину. Обернулась. Показалось – хочет что-то сказать, но ничего не смогла, и так, не сумев ничего сказать, застыла, забыв, что хочет курить потому, что мысль была более свежей. Мысль о том, что решения могут грызть мозг точно так, как грызут недокурные (на снегу) сигареты. Там, где была боль, оставались красные воспаленные точки, тщательно спрятанные под кожей. Провела рукой, пытаясь отрезать самую воспаленную часть, но ничего не произошло, а красные точки были все мучительнее, все больше, оставляя позади злость, похожую на раскаленный разбитый фонарь в привычном феонитовом шаре.

Резко толкнув от себя часть стены, врезалась в очередь, профессионально отшвыривая всех мешочниц уверенными локтями. Наглость вызвала дружное раскрытие ртов выдавших виды перекупщиц билетов. Она прижалась к окну, боясь, что снова не сможет ничего сказать, но сказала, и там, где дыхание падало на стекло, окошко становилось влажным.

– Один до... на сегодня.

– Нету.

– А в общий?

– Я сказала нету.

Звуковая волна голосов ударила в ноги, кто-то усиленно драл меховой бок, и совсем рядом отвратительная луковая вонь чьей-то истерической пасти попала в ноздри – так возмущенные народные массы праведно пытались ее отнять от железнодорожно-кассового окна.

– У меня, может, заверенная телеграмма.

– Иди в другое окно.

– Ну посмотрите – один билет.

– Ты че, издеваешься, блин ты...., – сказала кассирша, – не задерживай очередь... ты..., отошла от кассы!

Шубу больше не рвали, в пол ушла звуковая волна, бившая в ноги. Она толкнула, уходящую в небо, тяжелую дверь и вышла туда, где мороз сразу же впился в лицо отточенными вампирскими зубами. Мимо глаз (чужих глаз) проплывали бесконечные ночные вокзалы. Вслед кричали – вдоль стоянок такси. Разумеется, она не понимала ни слова. Ей казалось – забыла все языки очень давно, и вокруг сквозь аквариумные стены, не доходя к ней, исчезают людские звуки, забирая существующие в мире цвета с собой. Стены были до самого дна, не пропуская ушедшую симфонию цвета. В телеграмме было «не приезжай обстоятельства изменились». На ресницах высыхало совершенное подобие слез, не дошедшее до щек на вампирском морозе.

Эти слезы исчезали, не появившись, совсем и сразу, только внутри, под кожей, оставляя тупую заскорузлую боль, похожую на осушенное болото. Она достала из сумочки сигарету и зажигалку (в форме цветной рыбки) и глубоко втянула в себя дым, вдруг застрявший в горле тяжелым и горьким комком. Она тянула дым в себя до тех пор, пока державшая сигарету рука не превратилась в деревянный обрубок, а когда превращение произошло, сам собой окуроч слепнулся вниз, похожий на огромную падающую звезду, отраженную в бархатном черном небе. Кто-то снова толкнул, за край шубы зацепились елочные иголки и упали на снег, а раз упали иголки – она обернулась. Впереди в заячем отметке маячила широкая мужская спина с прикрепленной к плечу елкой, которая плясала на спине фантастический смешной танец. Спина шла быстро и с каждым шагом уходила все более далеко, а потом на снегу остались только иголки. Замерев (боясь дышать)б она смотрела на них очень долго, иголки были похожи на маленькие огни, а когда в глазах зарыбило от искусственного света, вдруг увидела, что идущий от них свет – был зеленый. Это было очень быстро, а потом – совсем ничего, только сдавленная быстротой боль вернулась на прежнее место. Защищало в глазах, завертелось на месте, сжался мозг и внутри кто-то сказал отчетливо ясно и четко «два дня до Нового года», и сразу не стало воздуха, был горький дым, спрятанный в груди глубоко так же, как и в ее горле. Черное, как растаявший снег, выплыло число и что-то сбило с ног, понесло по снегу прочь, только не на одном месте, куда-нибудь – от людей, к людям.

– Да стой, ты... – сбоку чье-то тяжелое дыхание отдавало полным набором сивушных масел. Обернувшись, под вязанной шапкой разглядела лисьи глаза.

– Сколько бегать за тобой можно?

Кто-то за ней бежал? Чушь. Так никогда не было – в этом мире. Было все, кроме двух полюсов – жизни и смерти, в полном избытке.

– Что?

– Ты билет спрашивала до...?

– Допустим.

– Так у меня есть.

– Сколько.

– С тебя как с родной – отдам за 50.

– Да пошел..

– Ну жалкие 50 баксов, тебе как родной отдаю – так шоб взять...

– Ладно.

– Ага, один, на сегодня, даже нижнее место.

Она поднесла билет к фонарю.

– Да верно, в натуре, не сомневайся.

Парень похрустел, покрутил на свет денежную бумажку в 50 долларов.

– А поезд в 2 часа ночи.

– Я знаю.

– Ну ладно.

Он растаял в пространстве, как тают люди, которые не повторяются при дневном свете. «Не приезжай обстоятельства изменились».

Она усмехнулась. Лицо расплывалось белым пятном на полу прилепленным к брови окурком. Выступало из-под сонных опущенных век, и, вписываясь в грязную окружность звало далеко, дальше и дальше. Там, где была, резкие углы кресла давили тело. Голоса сливались в ушах где-то в забытом за спиной мире. Сонная паутина окутывала несуществующим теплом даже лицевые изгибы. Она клонила голову вниз, пытаясь уйти, и только расплывалось лицо грязным белым пятном в вокзальных плитках. Этой ночью она не была больше собой. Кто-то рожденный и кто-то мертвый изменялся так, как нельзя было думать. Никуда не упав, отвер-

нула от пола лицо, где вокзал жил ночной, не подвластной для рассмотрения жизнью. Около часа ночи телефонный звонок раздался в одной из квартир.

- Это я.
- Где ты?
- Я уезжаю.
- Ты решила.
- Он прислал телеграмму. Одну.
- Он хоть будет тебя ждать? И потом, адрес...
- Я должна ехать – там это, в телеграмме.
- Ты вернешься?
- Будь что будет.
- А если подождешь пару дней?
- В этом нет абсолютно никакого смысла.
- А вдруг одумаешься?
- Права нет на другой выход.
- Незачем к нему ехать. Не нужно.
- Я плохо слышу – в трубке шипит, но ты все равно говори.
- Что говорить?
- Что-нибудь. Как хочешь.
- Довольна, да? Нет на земле второй такой идиотки!
- До нового года остается два дня.
- Ты хотя бы на праздник осталась.
- Я выбрана.
- Тебя никто не выбирал.
- Все равно.
- Не уезжай. Не надо ехать туда, слышишь?

Короткие гудки благословили ее путь и сквозь стекло телефонной будки внутри неба чернели звезды. Она подумала, что ее нет, но долго думать об этом было страшно.

Поезд полз медленно. Тускло светились вагонные окна, тускло горела лампочка в плацкартном проходе. Прислонившись затылком к пластику поездной перегородки отражавшему лед, ждала, когда все уйдет и размоется за окном темнота теми слезами, которые, не появляясь в глазах, не высыхают. Мелкой болезненной дрожью задрожали давно не мытые стекла. Разболелся затылок от пластикового льда. Где-то внутри скулил маленький зябкий зверенок. «Я не хочу... – где-то внутри плакал маленький, усталый больной зверь, – я не хочу никуда уезжать, не хочу, господи, слышишь...»

Мелкой болезненной дрожью в такт поезду рассыпались стекла. «Я не хочу уезжать... плакал маленький зверь, – вообще никуда... я никуда не хочу ехать... я домой хочу... я хочу домой, к маме...»

В телеграмме было «не приезжай». Это означало, что в выбор не входило остаться. Ей казалось: вместе с поездом она катится вниз по осклизлым стенкам мерзлого оврага, с талыми снежинками на щеках и елочными иголками на снегу, вниз, к самому беспросветному дну, где так по-домашнему светят электричеством застывшие окна бывших комнат и где в тепле растворяются лживые слова о том, что существуют на земле окна, к которым, бросив все, еще можно вернуться... она дрожала, зубы выбивали дрожь там, где агонией хрипел скорый поезд. Сжавшись, она думала о елочных иголках, застрявших в снегу, и что в телеграмме было «не приезжай», и что два дня оставалось до Нового года и что однажды (это согревало болезненным искусственным теплом) придет день, в который больше не нужно будет никуда ехать. Старым больным зверем поезд был по рельсам что счастье – это самая простая на земле вещь. Счастье – это когда нет дороги.

Красный цветок

Она обняла себя за плечи, наслаждаясь идеальной бархатистостью кожи. Потом неторопливо пригладила волосы рукой. Холодная вода – чудо. Веки стали прежними, не сохранив ни единого следа из того, что... Что она проплакала всю ночь накануне. Все смыла вода, и можно было смело идти вперед. Она улыбнулась своему отражению в зеркале: «Я – прекрасна!». Потом – безразлично махнула рукой.

Она прошла коридор и оказалась там, где должна была оказаться. Взяла с подноса бокал с шампанским, не забыв одарить сверкающей улыбкой ни официанта, ни тех, кто находился вокруг. Шампанское показалось ей отвратительным, и на искусанных губах сразу же застыла жуткая горечь. Но из присутствующих, наполнявших большую залу, об этом бы не догадался никто. Она очень нравилась себе со стороны: прелестная женщина в дорогом вечернем платье пьет изысканное шампанское, наслаждаясь каждым глотком.

Разумеется, он все время был там. Он царил, окруженный своими раболепными подданными, в сердцевине большого банкетного зала. Светский лев, с непринужденным очарованием строго следящий за своею толпой. Все ли пришли – те, кто должен прийти? Все ли очарованы – те, кто должен быть очарован? Все ли испуганы и подавлены – те, кто должен быть испуган и подавлен? Гордый взгляд из-под чуть сдвинутых бровей говорил, что все. Он полусидел в центре стола, окруженный людьми, и, в первую очередь, красивыми женщинами. Большинство людей, встречавшихся с ним впервые, были очарованы его простодушной, располагающей к себе внешностью, его простотой и показным добродушием. Он казался им идеалом – олигарх, который держится так просто! Почти как обычный человек, как свой. Но только те, кто стал-кивался с ним ближе или те, кто осмеливался просить у него денег, знали, как из-под внешней мягкости высовывается грозная львиная лапа, способная разорвать виновного легким движением грозной ладони.

Она знала все его жесты, его слова, движения и повадки. Она хранила в своем сердце каждую его морщинку, как клад. Годы приносили ему деньги и уверенность в будущем, он встречал их гордо, как океанский флагман. В его жизни было слишком много других людей, чтобы ее замечать. Изредка он замечал ее новые морщинки или складки на теле.

– Дорогая, ну так нельзя! Нужно за собой следить! Посмотри в зеркало! С моими-то деньгами.... Я слышал, открылся новый косметический салон...

– От кого слышал?

Он не смутился:

– Да, открылся новый и очень хороший! Сходи туда. А то ты скоро будешь выглядеть на все свои сорок пять! И я не смогу даже выйти с тобой в свет.

Он не стеснялся демонстрировать свои знания в области косметики или моды. Наоборот, подчеркивал: «видишь, как любит меня молодежь!». Он всегда был окружен этой самой «просвещенной» золотой молодежью. По бокам от него сидели две обладательницы последних титулов. Одна – мисс город, другая – мисс очарование, третья – лицо модельного агентства, которое таскало своих подопечных на любую презентацию, где мог оказаться хоть один, зарабатывающий больше 100 тысяч долларов в год. Четвертой была новенькая – она не видела ее прежде, но такая же злобная, подлая и наглая, как все. Пожалуй, у этой наглости было даже больше, и она отметила про себя, что эта далеко пойдет. Та девица полусидела перед ним прямо на банкетном столе, кокетливо положив ручку ему на плечо, и заливалась громким смехом в ответ на его слова, всем своим видом выражая жадную хищную хватку под маской наивной беспечности. Женщины всегда занимали в его окружении первые места. Мужчины теснились за спиной.

Сжимая бокал в руке, она словно читала на поверхности золотистого напитка свои мысли. Вокруг ее провожали лстыивые, заискивающие улыбки – все-таки она была женой. Она

была его женой долго, так долго, что он всегда подчеркивал это, а значит, ей также принадлежала главная роль.

Холодная вода – чудо. Она больше не чувствовала свои припухшие веки. Кто-то задел ее локтем:

– Ах. Дорогая! – это была знакомая, жена министра, – ты прекрасно выглядишь! Вы замечательная пара, я всегда вам завидую! Это так здорово – прожить больше 20 лет и сохранить в отношениях такую легкость! Смотреть друг на друга всегда. Ах, замечательно!

Оторвавшись от ее назойливой болтовни, действительно поймала на себе его взгляд. Он смотрел на нее, и это было как пузырьки в шампанском. Она улыбнулась своей самой очаровательной улыбкой, подумав, что он заслуживает шанс.... Он не встал, когда она подошла, а девицы и не подумали уйти при ее появлении.

– развлекаешься, дорогой?

– Да, дорогая. Все в порядке?

– Прекрасно! А у тебя?

– Тоже!

– Я очень рада за тебя, дорогой.

Их диалог не остался незамеченным. Окружающие думали «какая прелестная пара!». А присутствующие на банкете журналисты отметили про себя, что надо упомянуть в статье про то, что у олигарха такая замечательная жена.

– Дорогой, ты позволишь на пару слов?

Взяв ее под ручку, отвел от стола.

– Ты успокоилась наконец?

– А ты как думаешь?

– Думаю, в твоём возрасте вредно волноваться!

– Позволь напомнить, что мне столько же лет, сколько тебе!

– У мужчин это иначе!

– Вот как?

– Давай не начинать сначала! Я уже устал от твоей дурацкой выдумки, что я должен был сегодня обязательно подарить тебе цветы! У меня столько дел, я верчусь, как белка в колесе! Ты должна была об этом подумать! Можно было не цепляться ко мне со всякой ерундой! Захотела цветы – пойдё купи себе, закажи, да купи хоть целый магазин, только меня оставь в покое – и все!

Она улыбнулась своей самой чарующей улыбкой:

– Да я уже и не вспоминаю, дорогой!

– Правда? – он обрадовался, – а я так рассердился, когда ты прицепилась ко мне с этими цветами! У меня столько дел, а ты полезла со всякой ерундой!

– Это был маленький женский каприз.

– Дорогая, запомни: маленькие женские капризы позволительны только молодым красивым девушкам, как те, что сидят рядом со мной! А в тебе это только раздражает!

– Я запомню, любимый. Не сердись, не нервничай из-за таких пустяков!

– Очень хорошо, что ты такая умница! Мне повезло с женой! Послушай, дорогая, обратно мы будем возвращаться не вместе. Тебя заберёт шофер, когда тебе надоест. А я поеду сам, на своей машине, у меня есть кое-какие дела.... И не жди меня сегодня, я не приеду ночевать. Буду только к обеду, завтра. Да и то, может, пообедаю в офисе, а не вернусь домой.

– Я поеду одна? Сегодня?!

– Господи, да что такое сегодня?! Что ты мне действуешь на нервы целый день?

– Да уж, я занимаю так мало места в твоей жизни...

– Да при чем тут это! Ты занимаешь много места, ты ведь моя жена! И я везде таскаю тебя с собой! Так что не начинай!

– Хорошо, не буду. Я не хотела.

– Вот и хорошо! Тебе уже нечего хотеть!

И, усмехнувшись, он вернулся обратно, где нетерпеливо ждали слишком многие – гораздо более важные. С его точки зрения, особы, чем жена. Она улыбнулась. Ее улыбка была прекрасной. Это было выражение счастья – огромного счастья, которое нельзя удержать! Вновь вернувшись в туалетную комнату и плотно заперев за собой двери, она достала маленький мобильный телефон.

– Я подтверждаю. Через полчаса.

В зале она вновь расточала улыбки – демонстрируя (да ей и не надо было демонстрировать, так она ощущала) огромный прилив счастья. Это были самые счастливые минуты – минуты предвкушения... Так, сияя, она выскользнула в узкий коридор возле служебного входа, откуда хорошо просматривался выход, прильнула к окну. Через полчаса в узких дверях появились знакомые фигуры. Это были два охранника ее мужа, и ее муж. Ее муж, обнимающий новенькую девицу. И целующий – на ходу. Все спешили к черному блестящему мерседесу – последнему приобретению супруга, стоившему 797 тысяч долларов. Он любил дорогие машины. Очень любил.

Дверцы распахнулись, темное нутро автомобиля поглотило их полностью. Охранники остались снаружи. Один что-то говорил по рации – наверное, предупреждал тех, что на входе, что машина уже идет.

Взрыв раздался с оглушительной силой, уничтожая иллюминацию отеля, деревья и стекла. Все смешалось: крики, грохот, звон. Огненные языки пламени, взметнувшиеся до самого неба, лизали искореженный корпус мерседеса, превращенного в огромный погребальный костер.

Она обняла себя за плечи и автоматически пригладила волосы, наслаждаясь внутренним голосом: «Я подарила тебе самый красивый красный цветок! С днем нашей свадьбы, дорогой».

Криминальный рассказ

Он мял в руках барсетку, нервничал и выглядел так, как выглядят мужчины, попавшие в неприятную (с их точки зрения) ситуацию. Мой шеф изо всех сил пытался его успокоить. Для 9 людей из 10, которые обращаются в частное детективное агентство, нервозность – нормальное состояние. Клиенты такого рода – обычная ситуация, мы давно успели привыкнуть к ним. Словом, этот клиент ничем не отличался от остальных, и то, что для него было шоком, для нас составляло рутину. Здесь с первого раза было ясно, что неожиданностей не предвидится.

Обычно я не захожу в кабинет – шеф сам расправляется с любой ситуацией. Но иногда (особенно, когда мне нечего делать и я начинаю скучать, а скука моя чревата последствиями для всего агентства), шеф «натравливает» меня на свежего клиента. Это был как раз такой случай.

После очередного увещания шефа (просьба успокоиться уверенным тоном, заверения в конфиденциальности и все такое), наш клиент залпом выпил стакан воды и уронил на пол свою барсетку. Затем, для чего-то покосившись на закрытое окно, глухо произнес:

– У моей жены есть любовник.

«Тоже мне новость!» – со скукой подумала я. То, что речь идет о любовнике жены, ясно было с самого начала. С другим к частному детективу просто не приходят. С каким воодушевлением я уходила из милиции в это агентство! Какие воздушные замки строила по пути! Реальность же оказалась такой, что выть от нее захотелось с самого начала. Нет того, чтобы наше агентство хоть раз занялось расследованием громких убийств, поисками известного и жуткого маньяка, исчезновением таинственных сокровищ... Да просто вляпалось в какую-то плохонькую шпионскую историю, наконец! Нет, изо дня в день потные, нервные субъекты обоих полов рассказывали о бесконечных любовниках и любовницах... И чувствовалось, что весь этот секс – не от страсти, а тоже от скуки. А «подследственные объекты» со своими нелепыми любовными похождениями напоминали сонных мух... ну точь в точь мухи на подоконнике! Скука смертная! Они не догадывались о самой примитивной слежке, и вывести их на чистую воду мог и пятилетний ребенок.

Очевидно, удивленный тем, что от его «глубокомысленной» фразы мы не попадали со стульев, клиент кашлянул и пылливо посмотрел на нас. Шеф изобразил полное внимание. Клиент стал успокаиваться (по моей статистике, это успокоение всегда приходило после первой фразы).

– У моей жены есть любовник. Я хочу знать, кто он такой. Я хочу знать о нем всё!

– Откуда у вас такая уверенность?

– Я сам за ней следил. Видите ли, моя жена... мы женаты уже три года. Она намного моложе меня. Я стал замечать, что она мне врет. Говорит, например, что ходила по магазинам. Я проверял, а в тех магазинах, где она якобы была, она не показывалась месяцами. Или говорит, что целый день провела дома, а сама уходила, и надолго. К тому же, она тратит большие суммы денег – неизвестно, на что. На что она тратит деньги, если ничего не покупает? Ходит в каком-то рванье... Я состоятельный человек. Жена моя не работает. Я хотел, чтобы ее сопровождал охранник, но она категорически отказалась. Пригрозила, что уйдет. Тогда я сам решил следить... почти каждый день она посещает один и тот же дом. И находится внутри очень долго. А в последнее время я стал замечать, что у нее депрессия. Она нервничает, часто плачет по ночам. Я слышу, как она плачет в подушку. Наверное, он уговаривает ее от меня уйти, а она не может решиться.

– Как вы поступите, когда получите доказательства, что у нее есть связь?

– Я... не знаю. Когда мы поженились, я твердо предупредил ее, что не потерплю лжи. Никакой лжи! Но теперь... Я не могу без нее жить, это просто ужасно. Словом, я не знаю...

– Скажите, у вас есть дети?

– Нет. Я не хочу иметь никаких детей! Моя жена всегда соглашалась с этим. Мы так счастливо жили друг для друга, и вот теперь...

– Но вы хотите знать правду? Вы уверены в том, что хотите ее знать?

– Да, хочу. Я все обдумал. Я хочу знать правду, какая бы она ни была.

Когда он ушел, шеф ехидно посмотрел на меня и прокомментировал «Х – файлы». Словом, на следующий день за нашей дамой следить отправился другой оперативник. Но уже к вечеру шеф вызвал меня к себе в кабинет.

– А у нас начались странности! Вот, почитай....

Отчет был составлен очень грамотно. Действительно, дама посещала одну квартиру. Этот день она провела так. Муж ее уехал на работу к 8 утра. Ровно в 10 дама вышла из дома, села в свою машину и отправилась по указанному нам адресу. В 11.05 она вошла в дом, поднялась в квартиру на 4 этаже и оставалась там... до 17.35 часов! В 17.35 она вышла из дома, вернулась в квартиру мужа. Больше она на улицу не выходила, а в 20.30 вернулся с работы ее муж.

– Тебе не кажется, что 6 часов для свидания с любовником – это слишком? – сказал шеф.

– Да уж... Почти как работа. А кто живет в квартире? Она сдаётся?

– Нет, и никогда не сдавалась. В квартире живет пожилая женщина. Старая учительница.

– Кто-о-о?! Это ее мать?

– Нет. Ее мать умерла 5 лет назад.

– А... одна эта учительница живет? Или с сыном?

– У нее нет детей. Живет одна. Есть еще две странности. Ты прочитала описание одежды и внешности нашей красавицы? Тебя ничего не поразило?

Я прочитала. Женщина была одета в джинсы, простую голубую футболку и сине-белые кеды. Волосы сзади небрежно забраны в хвост. Ни грамма косметики на лице...

– Это не любовник. Я не знаю, что она делает в той квартире, но это не любовник!

– Умница! Но и это не все. Конечно, я сразу сообразил, что на свидания к любимому мужчине в таком виде не ездят. Странность последняя-то, что вся квартира напихана заглушками. Заглушки для мобильных, видеокамер и т. д. Кто-то грохнул ни одну тысячу долларов, чтобы сделать эту квартиру полностью непроницаемой для любой следящей и подслушивающей аппаратуры! Некоторые из этих глушилок только посольства используют! Она установила аппаратуру, кто ж еще. Как будто точно знала, что муж наймет частных детективов. Ну, что скажешь? В таких условиях нельзя сделать ни одного снимка!

Скуку сняло, как рукой.

– Скажу, что мне самой интересно. И, конечно же, завтра поеду туда.

– И как ты догадалась, что я хотел тебя об этом попросить? – съехидничал шеф.

Есть дела, в которых абсолютно бесполезен любой мужчина, даже самый опытный мент. В таких делах одна женщина способна сделать больше, чем несколько мужчин, и правило это отлично знает каждый хороший детектив. Кажется, это дело было именно таким.

Дом был самым обыкновенным – старинный, с широкой мраморной лестницей, по которой так трудно было подниматься на 4 этаж. Но я поднялась, и смело позвонила в нужную дверь. Судя по отчету оперативника, наша дама находилась там.

Через день наш клиент снова нервничал в уже знакомом ему кресле. В этот раз он выглядел обреченным. За три дня он постарел лет на 20. В углу его губ появились морщинки – такие морщины, от горя, как правило, не исчезают никогда. Шеф поручил говорить с ним мне, и я не удержалась:

– Переживали?

– Что ж, жизнь все равно разбита, и нечего тут переживать. Я готов вас выслушать.

– И поделом вам! Нечего быть таким категоричным!

– Вы о чем? – удивление немного отодвинуло обреченность, с которой, похоже, он уже свыкся, – вы узнали, кто...кто он?

– Разумеется. Мы же лучшее агентство в городе!

– И кто ее любовник?

– Ну, любовником я бы его не назвала. Скорей, любимый мужчина. И знаете, я думаю, этого мужчину ваша жена будет любить всю свою жизнь!

Конечно, шеф бы сказал, что я перегнула палку. И лицо у клиента стало таким...Словно выстрелил бы в меня, если б смог! Рассмеявшись, я положила перед ним несколько фотографий.

– Да вот же он! Смотрите, тут он купается. А здесь ваша жена кормит его яблочным пюре. А вот тут они в парке...

Фотографии выпали из его рук:

– Что... что это? Кто...

– Да ребенок у вашей жены! Ребенок! Не любовник, а сын! Маленький мальчик, 5 лет! Эту тайну она тщательно скрывала от вас потому, что вы были так категоричны с самого начала. Она думала, что если вы узнаете про ребенка, то выгоните ее вон. А она очень вас любит. И ребенка любит. Вот и разрывалась между вами двумя! Вы только представьте себе, как она страдала! Поселила ребенка у няни, и каждую минуту рвалась к нему! Думаю, она так настрадалась, что и жизнь ей была не мила, вот она и перестала все это прятать... никакого любовника и близко нет!

Фотографии выпали из его рук, и тогда произошло невероятное. Он заплакал. Да так, что мне по-настоящему пришлось отпаивать его водой!

Дней через десять, уже занимаясь другим делом, я проходила через городской парк. Все втроем были там. Мой клиент катал мальчишку на всех каруселях. Тот уплетал мороженое и был одет в одежду из самого дорогого детского магазина. Что же касается женщины, то и джинсы, и неряшливый хвостик канули в небытие. То заплаканное, издерганное существо, которое совало мне в руки те фотографии, растворилось в прошлом. Лицо ее светилось счастьем, и каким! И действительно, мне редко потом доводилось видеть радость, которая в тот день, в парке, застыла на лицах этих троих....

Здравствуй, зверь

– Поезд в 7.30 утра.

– С вокзала?

– С Восточной.

– Почему с Восточной?

– Говорят, сегодня намечается забастовка железнодорожников, с вокзала московские поезда не пойдут. Отправят прямо с подходов путей. Так что даже не успеем попрощаться как следует.

– Москве привет.

– Да чего у ж там, все равно недели через две встретимся!

Желтый лист с шорохом упал за окном. Сидя на кровати, охватив руками колени с прижатым к ним одеялом, ей казалось, что в мире не существует ничего, кроме желтого листка за окном, с шорохом упавшего на асфальт. «Все будет хорошо, слышишь? – прокричал внутри хриплый, отупевший от тепла голос. – Все хорошо – слышишь?» она только тверже сжала колени и ткань тонкого пододеяльника прилипла к голой груди.

В принципе горд у вас совершенно тупой, ты извини, конечно, – он стоял возле зеркала, и утренний свет осени покрывалом обволакивал его не слишком широкие плечи, не слишком красивые черты лица, не слишком умный лоб.

– говорят, ехать в Одессу как в прорубь: или все – или ничего. Одно слово – Одесса, хитрые пробивные бестии и, главное, всё всегда знают лучше тебя. В Москве от этого отвыкаешь и устаешь. Ты не сердись, что я так откровенно, нет?

Она улыбнулась и покачала головой. В ту же самую секунду ей показалось, что эта улыбка словно отрезала часть ее лица, снесла будто взрывом, превратив губы и подбородок в кровавое месиво. Но снаружи не отразилось ничего – была только юная женщина (совсем еще девочка), без косметики в облаке распущенных пушистых волос, прижимавшая одеяло к обнаженной груди, будто тому, кто стоял возле зеркала, было не все равно (закрыта грудь или нет), ведь он видел достаточно, чтобы уяснить ценность женщины девочки, мутными от боли глазами улыбающейся в окно.

– Одесса красивая, и одесситки – прелесть. И ты, конечно, тоже прелесть. Только вот проводники у вас в поездах наглые, за постель много дерут... – он замолчал, в горле словно застыл терпкий ком, он подумал, что благороднее (право же) будет просто ударить ее по лицу, чем – так...

Она улыбалась, не понимая – за что. За что несется на нее поток ничего не значащих слов – целое море бесформенной чуши вместо того, чтобы просто сказать правду.... А где была эта правда, в чем? В том, что никакой забастовки железнодорожников не будет и он уезжает в Москву не поездом, а самолетом.

– Впрочем, я надеюсь, мы увидимся через две недели, – он будто пытался продолжить начатую ранее мысль, но... застревал мерзкой тошнотворной дрожью в горле взгляд женщины-девочки, прижимающей одеяло к груди, и желтый лист – сын осени, падал на асфальт за окном.

Тяжелая чушь липкого безвоздушного пространства комнаты давила на мозги. Ему хотелось подбежать к ней, сорвать одеяло и отхлестать им по лицу – в кровь, чтобы заглушить в груди боль и чувство униженности собственной роли. Хотелось закричать: «Ты, маленькая дура, очнись! Ну очнись, закричи, побей мебель, стекла, прояви характер, ведь я надругался над тобой – над твоей душой, я подлец! Ведь я же знаю, что был у тебя первый! Ну скажи, что я сволочь, мерзавец, что таких не может носить земля! Маленькая дура, ведь ты же знаешь, что я тебя предал. Я тебя предал, развлекся пару часов, чтобы вышвырнуть прочь как исполь-

зованный презерватив! Я даже имя твое не помню – понимаешь? Уже не помню! Я негодай! Это все неправда, что я тебе говорил! У меня жена и двое детей, и отец жены – президент фирмы, в которой работаю. Я приехал в Одессу зарабатывать деньги, понимаешь? Ты мне не нужна! На дух мне не нужна! Не оставлю жену, ты, маленькое большеглазое ничтожество! Ты думаешь, я здесь на свои деньги, да? Думала, я тебя увезу? Ты, маленькая дрянь...»

В глазах женщины-девочки отражалось несколько закатов. Он вдруг увидел себя в них – лет двадцать назад, и ненависть одиночества подступила прямой волной. Ненависть к одиночеству. Был в глазах ее свет, и несколько несказанных слов, запрещающих сказать то, что думал вначале.

«Ты улыбаешься мне – это неправда. Я знаю – ты раздираешь в этой улыбке свое лицо. Знаю – рвешь на куски душу, чтобы я не понял вдруг, сколько для тебя значу. Твое сердце – сосуд из тонкого хрусталя, и я – это я, понимаешь? Я уничтожил его на твоих глазах, уничтожил твоей улыбкой и этой постелью. Я превратил твою душу в ничто потому, что обо всем тебе лгал: о себе, о моей жене, о Москве(на фиг тебе туда, идиотке), о том, что еду поездом с какой-то Восточной... Я знаю, что будет с тобой потом. Знаю, как обхватив голову руками ты будешь метаться в четырех стенах и выть словно раненый зверь, выть как обезумевшее животное, пытаюсь ногтями выцарапать меня из своего сердца. Ты будешь биться головой о стену потому, что в этот осенний рассвет я объяснил тебе всю сущность жизни и то, что ты, маленькая дрянь, не человек. Ты будешь кричать в голос от тоски, от одиночества и отчаяния, когда, обернувшись на пороге своей комнаты (своей жизни) ты ничего в ней не увидишь... Это видно в твоей улыбке. Твоя улыбка царапает мою душу».

Она знала, что он уйдет. Ей хотелось вцепиться ему в волосы и крикнуть: "Знаю! Все знаю! Знаю, что летишь самолетом, что поездов с Восточной нет! Знаю – у тебя жена и двое детей, и отец жены купил тебе фирму! И еще ты приехал сюда зарабатывать деньги, одновременно развлекаясь со мной! Думаешь, смог обмануть? Я все о тебе знаю! И ты ничего не значишь для меня – право же, ничего не значишь! Мне было с тобой хорошо. Сам того не ведая, ты объяснил, что жизнь – это свора бешенных псов на свалке, оставляющих позади только выжженную пустыню. Я даже имя твое забуду через полчаса. Будь с собой честен. Ну давай, скажи, что никогда меня не хотел и я ничего для тебя не значу. Что я только красивая девочка на уровне портовых шлюх с одной только разницей – ты был у меня первым. Но это тоже ничего не значит. Скажи, что ненавидишь меня за то, что я внесла в твою жизнь сразу несколько проблем. Ну скажи хоть слово, и я сама объясню тебе все, поддонок!"

– Ты не потеряла мой телефон?

– Нет.

«Думаешь, я тебе позвоню? Я вылечу в Москву через несколько дней, у меня уже есть билеты. Этого ты не будешь знать. Ты даже не будешь знать, кто я такая, зачем ты был нужен мне на несколько этих часов... Я просто хотела понять, на что способна сама. Только... только убирайся отсюда скорей, зверь! Зверь, тебя ждет достойная старость! У тебя никогда ничего не будет. Ни счастья, ни любви, – и ты никогда не поймешь то, что мог когда-то понять. Зверь, ты думал унижить мою душу – ты не знал, что унижаешь себя. Ты не знаешь, зверь, что тебя ждет – а я объясню, если ты еще не понял этого по моим глазам. Тебя ждет старость и ничего кроме, и кто-то более умный и сильный затормозит мордой твоей об асфальт. И ты почувствуешь, как это – в грязь собственной рожей подбирая с тротуаров чужие плевки как объедки с городских помоек. Ты узнаешь это, зверь, очень скоро – втоптаный в грязь, ты почувствуешь кованое железо чужих сапог на твоей спине и, запрокидывая к небу глаза, ты ничего не увидишь. Зверь, ты поймешь, что всегда был никем, несмотря на твои деньги и связи. Ты поймешь – и я не хочу быть на твоём месте в тот день. И на месте твоей жены не хочу! И не буду. Никогда, зверь, не буду!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.